

КОГДА русская певица объяснила перевод своего имени итальянским коллегам, у них не осталось сомнений в том, что этим словом называется только самое прекрасное, и с удовольствием произносят Amore КАЗАРНОВСКАЯ.

Amore Казарновская

- ИМЕНА моих бабушек - Вера, Надежда и Софья. По христианскому обычаю необходима была еще и Любовь для того, чтобы состоялся полный праздник. Сейчас понимаю, что это имя не случайно. Оно мне предназначило любить людей, дарить тепло и добро творчеством. С меня же будет двойной спрос: Бог, любя меня, подарил голос, и я должна вернуть людям и эту любовь.

- А много ли в вашей жизни нелюбви?

- Да! Но стараюсь на это не обращать внимания. Иногда нелюбовь сопряжена с завистью коллег, иногда - с желанием подавить во мне светлое, открытое ощущение жизни. Мне мстят за то, что сами не умеют, не могут так любить мир. Раньше я болезненно реагировала на чужое неприятие. Но однажды прочитала у Шекспира: если бросать камень в каждую лающую на тебя собаку, никогда не дойдешь до цели.

- Чувствуете ли вы зависимость от голоса?

- Когда начинаешь певческую карьеру, ты полностью управляем своим голосом. Он диктует свои законы, постоянно издевается и капризничает - сип, хрип... Бывают дни, когда чувствуешь такую усталость, что совсем не хочется петь. Но включаются внутренние ресурсы, призываются из памяти положительные впечатления, и голос начинает звучать. Голос - это энергия. Если у тебя внутри все хорошо, то подчиняться будет он тебе, а не ты ему.

- У нас артисту всегда сопутствуют зависть и соперничество. Имеют ли место такие отношения в зарубежном театре?

- Зарубежный рынок намного страшнее российского. Конкуренция по 250 человек на место порождает суровые законы, полное безразличие ко всяким сантиментам и отношение к работе только как к бизнесу. Я четко отработываю свой контракт: 15 Тосок, 10 Саломей, 16 Баттерфляй и т. д., но лишена при этом творчества, возможности эксперимента для души.

- Насколько важно для русских исполнителей их признание на Западе?

- В России никогда не было фестивальных героев, и признание на Западе гарантировало возвращение на родину победителем. Сейчас - нет. Для российской публики совсем не важно, раскручен ли исполнитель за рубежом. Россия - это особый рынок, и если тебя не знают, то и зал ты не соберешь. В идеале, конечно, желательно быть известным и любимым везде. Но сегодня можно и нужно делать имя в России, независимо от того, где выступаешь.

- Как, по-вашему, играет ли роль в настоящее время престиж Большого театра для звезд мирового уровня?

- Как ни странно, но играет. Движение по инерции. Мы так же восхищаемся как Меккой опер театром "Ла Скала", хотя он давно уже не первый. По уровню постановок и количеству вложенных в них денег первым сегодня является "Метрополитен-опера". Тем не менее всегда ждешь праздника от "Ла Скала" и все чаще получаешь то, от чего хочется поскорее убежать. В Большом праздники

тоже редкость, а кажется, что эта сцена роскошного театра должна дарить всепоглощающее чувство радости. О проблемах Большого можно прочитать в газетах, понять, что там не все в порядке, но это по-прежнему главный театр страны. Его

имя сохраняет ореол, при его упоминании у иностранцев начинают блестеть глаза. Они почитают за честь выступить на его сцене, что внесет весомый вклад в творческую биографию артиста.

Как зрителя меня не очень прельщает репертуар Большого театра. Не хожу на оперы, за исключением спектаклей, где поют мои друзья. Часто успех зависит от того, какие личности задействованы, и от того, любит ли дирижер артистов. Бывает, оркестр не аккомпанирует, а орет так, что становится тошно и страшно. Приходится думать не об образе, а о том, чтобы перекричать и быть услышанным зрителями. Хочется, чтобы рядом находились партнеры, заинтересованные в успехе целого спектакля, а не в своем собственном. К сожалению, все чаще вижу, что компоненты в постановках не взаимодействуют между собой.

- Русская опера - редкое явление на зарубежной сцене?

- Русскую оперу, за исключением "Онегина", "Пиковой дамы" и "Бориса Годунова", на Западе до недавнего времени практически не знали. Многие иностранные режиссеры,

желая в постановке русской оперы уйти, как они говорят, от ее нудности, допускают бесконечное число ляпсусов. Например, в Париже действие "Пиковой дамы" происходит в сумасшедшем доме! Русскому человеку просто смешно на это смотреть! Можно простить неправильные ударения в словах и фразах, но нельзя же коверкать и уродовать саму структуру произведения. Итальянцы и немцы очень не любят, когда иностранцы искажают их оперы, но допускают подобное в отношении русского репертуара. В моей душе это всегда вызывает сильный протест. Однажды на репетиции я попыталась возразить: "Уж, вы мне поверьте, Чайковский и Пушкин - это то, что мы, русские, впитываем с молоком матери. А то, что делаете вы, - невозможно!" За это мне тут же приписали ужасный характер и неспособность работать с современными режиссерами, что абсолютная неправда.

- Люба, а что первым бросается в глаза, когда вы приезжаете в Москву?

- Очень много поездив по свету, я все-таки поняла, что моя среда обитания - Россия. У каждого должно быть ощущение дома. Русский человек не может по-настоящему прижиться на чужбине. Даже если снаружи все выглядит нормально, внутри поселяется душераздирающая боль. Кстати говоря, многие иностранцы, побывав в России, потом в течение какого-то времени испытывают по ней ностальгию. Я не ношу "розовых очков", прекрасно вижу все минусы, меня раздражают глупые бытовые неурядицы, бюрократия... Но у нашего народа настолько силен приоритет духовного над материальным! Он сложился, наверное, в силу исторических причин - нас очень много макали лицом в грязь: как только образовываются какие-то материальные ценности, так очередной катаклизм не дает привязаться к земному. Бытово-запрограммированная и пресыщенная жизнь организует и потребительское отношение к искусству. Поэтому культурная традиция, существующая здесь, больше нигде не имеет места.

Арина АБРОСИМОВА